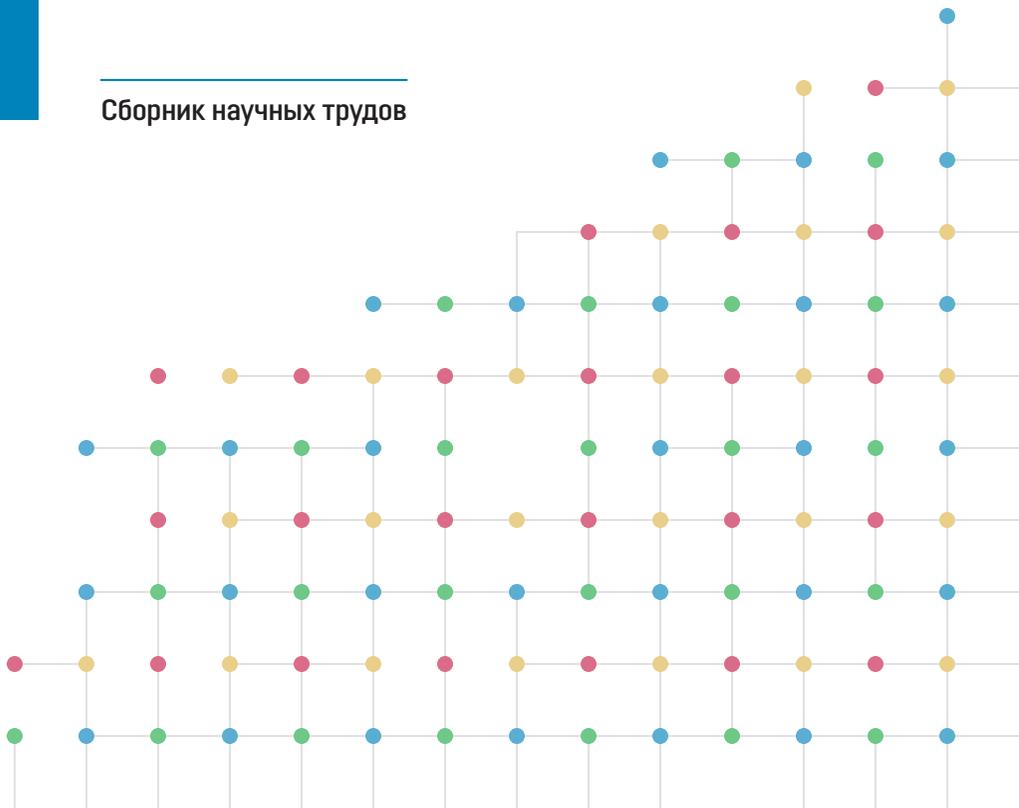

ПРЕЗИДЕНТСКАЯ
АКАДЕМИЯ
ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ
РАНХИГС ЕКАТЕРИНБУРГ

СТОЛЕТИЕ СССР: ВОПРОСЫ И ОТВЕТЫ

Сборник научных трудов

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

Уральский институт управления

СТОЛЕТИЕ СССР: ВОПРОСЫ и ОТВЕТЫ

Сборник научных трудов

*Под редакцией
д-ра истор. наук, профессора
М. А. Фельдмана*

Екатеринбург 2023

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)6
С81

Рецензенты:

Мотревич В. П., *д-р истор. наук, профессор; профессор кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева*

Поршнева О. О., *д-р истор. наук, профессор; заведующий кафедрой теории и истории международных отношений Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина.*

С81 **Столетие СССР: вопросы и ответы** : сборник научных трудов / под ред. д-ра истор. наук, проф. М. А. Фельдмана ; Уральский институт управления – филиал РАНХиГС. – Екатеринбург, 2023. – 201 с. – ISBN 978-5-8056-0463-9.

В основу сборника легли доклады историков, экономистов, философов из Москвы, Новосибирска, Челябинска и Екатеринбурга – участников межвузовского круглого стола, проведенного 22 декабря 2022 г. в Уральском институте управления – филиале РАНХиГС. Научный анализ позволяет сделать вывод о высоком уровне развития советской цивилизации и, невзирая на ее масштабные противоречия, о движении в сторону постиндустриального общества. Дискуссионным остается вопрос о степени реализации гуманитарных и социальных проектов. Изучение комплекса факторов, приведших к дезинтеграции СССР, говорит о потенциальных возможностях сохранении единого государства. Изученный материал опровергает тезис об «отсталости» и «обреченности» советской цивилизации. Материалы сборника систематизируют и конкретизируют неизученные и малоизученные проблемы советской истории.

УДК 94(47)(063)
ББК 63.3(2)6

ISBN 978-5-8056-0463-9

© Уральский институт управления –
филиал РАНХиГС, 2023
© Авторы, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
Беляков С. С. Украинские националисты на строительстве советской Украины: к постановке проблемы	7
<i>Украинский национализм в начале XX века</i>	9
<i>Политика большевиков по отношению к украинскому национализму</i> ..	14
<i>Украинские националисты в УССР 1920–1930-х гг.</i>	22
<i>Заключение</i>	30
Горбачев О. В. Раннесоветская идеология национального строительства: эволюция приоритетов.....	35
<i>Национальный фактор в революции: подспорье или помеха?</i>	35
<i>Идея «национального самоопределения» в первые годы Советской власти</i>	40
<i>От «самоопределения наций» к «советским национальностям»</i>	43
<i>Заключение</i>	51
Зубков К. И. Социально-политическая сущность советского эксперимента: от формационного прочтения к цивилизационному	55
Зыкин И. В. Советский лесопромышленный комплекс: задачи, проекты и результаты	71
<i>Раннесоветский этап</i>	74
<i>Позднесоветский этап</i>	80
<i>Заключение</i>	83
Клинова М. А., Трофимов А. В. «Культурный» и «некультурный» отдых: визуализация идеологом в советской прессе второй половины 1940–1950-х гг.	86
<i>Историографический обзор</i>	87
<i>Социокультурный контекст периода</i>	90
<i>Визуальное отражение «культурного отдыха» в советской прессе</i>	95
<i>Визуальное отражение «некультурного отдыха» в отечественных печатных СМИ</i>	104
<i>Заключение</i>	108

Побережников И. В. Модернизация в истории Российской империи и СССР: общие тренды и специфика.....	115
<i>Интерпретации сущности модернизации</i>	116
<i>Имперская и советская модернизации</i>	118
<i>Разрывы и преемственность в истории российских модернизаций</i> ..	120
<i>Общие и особенные черты имперской и советской модернизаций</i> ...	124
Расторгуев А. П. Реформы 1980-х гг. и судьба СССР в современной отечественной историографии	132
<i>Возможности и модели: о роли экономики в разрушении СССР</i>	134
<i>«Тихая контрреволюция»: от размывания устоев системы к ее краху</i>	138
<i>Отходя от стереотипов: пути развития исследований</i>	144
<i>Заключение</i>	150
Сибиряков И. В. Феномен советской культуры: от революционного энтузиазма к религиозному восторгу	153
<i>Институциональная эволюция советской культуры</i>	156
<i>Идеологическая эволюция советской культуры</i>	170
<i>Заключение</i>	176
Фельдман М. А. Советская цивилизация: оценки уровня развития, места в мировой истории XX века и причин распада СССР.....	183
<i>Была ли активной дискуссия по проблеме?</i>	183
<i>Советская цивилизация</i>	185
<i>Причины дезинтеграции СССР</i>	190
<i>Задачи на «следующее тридцатилетие»</i>	196
Сведения об авторах	200

МОДЕРНИЗАЦИЯ В ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И СССР: ОБЩИЕ ТРЕНДЫ И СПЕЦИФИКА

История России в целом в современной литературе рассматривается в контексте различных теоретических подходов: цивилизационных, формационных, модернизационных, структурно-демографических, (нео)институциональных и др. При этом модернизационный подход является одним из наиболее востребованных и популярных. Его функциональность объясняется сфокусированностью на изучении реальных, вполне фиксируемых макропроцессов, включаемых в модернизационный контекст (индустриализации, урбанизации, профессионализации и т. д.). Тема российских модернизаций активно разрабатывалась на протяжении последних десятилетий в отечественной литературе. В опубликованных трудах уже нашел отражение ряд значимых теоретических, историографических и конкретно-исторических проблем истории российских модернизаций. Наиболее полно раскрыты темы цивилизационно-модернизационной динамики России, субпроцессов, моделей модернизации; результаты этих исследований уже становились предметом историографического анализа [Проскурякова; Побережников 2017; Побережников 2020].

В данном тексте предпринимается попытка сравнить интерпретации модернизации/модернизаций в Российской империи и СССР, предложенные в новейшей литературе, выделить общие и особенные черты их протекания. Для периода конца 1990-х – 2010-х гг. была характерна творческая и самостоятельная разработка исследователями оригинальных подходов, концепций российских модернизаций, обнаружившая множество спорных вопросов, концептуально-методологических расхождений в трактовке российских модернизаций [Проблемы; Цивилизации; Уральский исторический вестник; Российская история].

Интерпретации сущности модернизации

В литературе существует множество трактовок процесса модернизации. При этом, несмотря на некоторые нюансы, большинство исследователей изначально связывало модернизацию с трансформацией традиционного, аграрного общества в современное, индустриальное (некоторые распространяли понятие модернизации и на последующие преобразования, связанные с переходом к постиндустриальному состоянию) [Российская модернизация; Побережников 2006: 53–114]. Подобный подход доминирует и в современных исследованиях. Так, классик модернизационного подхода В. Г. Хорос дает четкое определение понятия модернизации: «это переход от традиционного, добуржуазного общества к современному, от аграрного к индустриальному. Это длительный исторический процесс – примерно с XVI в. по настоящее время, причем для многих стран он еще не завершен». При этом исследователь не склонен экстраполировать данное понятие на процессы так называемой постмодернизации (становления постиндустриального общества): «на Западе или в Японии индустриальное общество массового потребления создано, там идет переход к постиндустриальному обществу, поэтому для них термин “модернизация” уже не годится», – утверждает В. Г. Хорос [Хорос: 8]. Л. И. Бородкин также связывает модернизацию с переходом от традиционного, аграрного общества к индустриальному, признавая при этом, что в Новой и Новейшей истории стран, завершивших процесс индустриализации, этот важный исторический этап синхронизировался с существенными изменениями социокультурных, политических, экономических, институциональных аспектов, которые характеризуют эволюцию общества и государства в процессе модернизации [Бородкин 2017: 6]. Исследователь считает деструктивной позицию тех историков, которые отрицают наличие общих закономерностей в эволюции модернизационных процессов и акцентируют внимание на уникальности страновой траектории развития [Бородкин 2015: 203].

Известный специалист по проблемам российской модернизации имперского периода Б. Н. Миронов также трактует саму модернизацию как движение от традиционности к современности, признавая при этом и комплексный и связанный характер процесса: «это множество одновременных изменений в обществе, всеобъемлющий процесс инноваций, охватывающих все сферы социальной жизни и оказывающих воздействие на все социальные институты и всех членов общества» [Миронов 2018: 55–56].

По мнению В. В. Шелохаева, понятие «модернизация» можно использовать как в широком смысле, так и в узком: в первом случае для обозначения собственно исторического процесса (перехода от традиционного

общества к современному, открытому обществу как в общемировом, так и в региональном масштабе); во втором же – для определения исследовательского метода, подхода к изучению исторического процесса [Шелохаев: 30]. При этом В. В. Шелохаев считал модернизационный подход продуктивным в плане «оптимизации исторического познания», поскольку его сторонники открыты для восприятия существенных моментов других концепций; признают вероятность различных сценариев реализации исторического процесса (эволюционного, революционного, комбинированного); отказываются от абсолютизации метода и универсализации самого процесса (признается возможность в одних случаях относительно безболезненного перехода от традиционного к современному обществу, а в других – нарастание конфликтных и деструктивных процессов, которые могут резюмироваться национальной катастрофой); замечают синхронность и асинхронность в развитии различных стран и регионов, различную степень интенсивности сдвигов в разных сферах человеческой жизнедеятельности [Шелохаев: 30–31].

Отличный от универсалистских интерпретаций взгляд на суть модернизационных трансформаций высказал в ходе дискуссии 2018 г. историк А. И. Миллер. Он выступил против прямолинейного представления о модернизации как повторении западного маршрута под влиянием западных же стран, поскольку подобное представление о «неизбежности» и «правильности» догоняющего развития по западным образцам уже устарело и не соответствует реальной представленности «модерности» в различных вариативных политических и социальных формах (согласно известной концепции «множественных» модернов Ш. Эйзенштадта) [Миллер: 20–21].

Уральскими историками в свое время было предложено определение модернизации как всеобъемлющего процесса инновационных мероприятий при переходе от традиционного к современному, индустриальному обществу, включавшего множество субпроцессов: индустриализации, урбанизации, профессионализации, бюрократизации, демократизации и т. д. [Алексеев: 88].

Признавая корректность в целом подобного определения, автор данной публикации впоследствии попытался его усовершенствовать, дабы снять присущий тому определению недостаток спрямления зигзагов реальных модернизационных процессов, несомненно сложных и противоречивых. Было предложено следующее определение модернизации – это сложный эндогенно-экзогенный направленно-циклический процесс взаимодействия структур и деятельностей, традиций и новаций при переходе от традиционного к современному обществу [Побережников 2012: 42–52].

По мнению автора, последнее определение позволяет идентифицировать модернизацию общую и специфическую и может быть применено для объяснения конкретных способов адаптации к средовым условиям, т. е. конкретных модернизаций – временных, цивилизационных, страновых, региональных, протекавших в различные исторические эпохи и в разных пространственных контекстах.

Как можно видеть, для многих историков модернизация является универсальным механизмом развития, который подчиняется общим закономерностям (среди рассмотренных трактовок – это интерпретации В. Г. Хороса, Б. Н. Миронова, Л. И. Бородкина). Ряд исследователей предпочитает говорить о вариативности модернизации и исторической конкретности закономерностей (А. И. Миллер, В. В. Шелохаев, И. В. Побережников).

Имперская и советская модернизации

Наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой имперская модернизация начинается в эпоху петровских преобразований [Красильщиков; Медушевский; Каменский 1999; Каменский 2001] и охватывает весь имперский период, то есть может быть локализована в хронологическом интервале XVIII – начала XX в. (до 1917 г.). Действительно, в петровский период предпринимаются целенаправленные попытки догнать (скопировать образцы) страны Западной Европы, ушедшие вперед, сразу в нескольких областях: военной, организационно-управленческой, экономической, культурно-образовательной; при этом преобразования даже приобретают относительно планомерный характер, пускай скорее в их поздней части. Далее, преобразования явно сопровождалась вестернизацией: копированием именно западноевропейских образцов, т. е. протекали в типичном для стран догоняющей модернизации варианте. При этом исследователи в рамках данного продолжительного периода выделяют этапы (при использовании различных критериев схемы периодизации могут варьировать). В качестве очевидных вех называются Великие реформы и конец XIX – начало XX в. (утверждение модели современного экономического роста). Действительно, именно в пореформенный период проявляются со всей определенностью такие модернизационные субпроцессы, как индустриализация; переход от широкого использования принудительного труда и института крепостного права к рыночной экономике и применению вольнонаемного труда; трансформация традиционного династического государства в национальное государство (что связывается с утверждением теории официальной народности, отменой крепостного

права, переходом к унификационной имперской политике во второй половине XIX в. и осуществлением ряда мер по ассимиляции нерусских народностей); интенсификация процессов формирования гражданского общества в пореформенный период и особенно в начале XX в.

Старт советскому этапу модернизации был дан Русской революцией 1917 г. Авторы коллективной монографии «Опыт российских модернизаций. XVIII–XX века» [Опыт] предложили следующую схему советской модернизации. Революция 1917 г. в контексте модернизационного процесса, по их мнению, сыграла противоречивую роль: с одной стороны, она нарушила естественный ход модернизационного перехода, а с другой – уничтожила феодальные пережитки, которые его тормозили. Признавалась неравномерность темпов модернизации в советский период. Что касается самой динамики модернизации, то были выделены следующие этапы: полный отказ от политики модернизации в первые годы советской власти, заметные успехи на ее пути во второй половине 1920-х – первой половине 1950-х гг. (при этом индустриальный рывок 1930-х гг. характеризовался как период форсированной, догоняющей модернизации, которая осуществлялась «ценой огромного напряжения и жертв» и имела «неоправданно затратный характер»), снижение темпов модернизации в середине 1950-х – конце 1980-х гг. Советский этап модернизации связывался главным образом с индустриализацией страны, а также ростом доли рабочих в социальной структуре, ростом городского населения, заменой сословного принципа принципом классовых отношений, секуляризацией образования, распространением грамотности, ростом участия женщин в общественной жизни и производстве.

В современной литературе разработана концепция множественности модернов, предполагающая возможность различных вариантов («дорог»/«ворот») включения в модернность [Эйзенштадт]. В этой связи советский вариант развития можно рассматривать как один из путей вхождения в модерн. Сопоставляя капиталистический и социалистический (индустриальный социализм) варианты модернизации, П. Бергер пришел к заключению, что, несмотря на использование зачастую несовпадающих механизмов развития, капиталистические и социалистические страны можно рассматривать в контексте процесса модернизации, общего для тех и других. При этом в качестве решающего фактора конвергенции П. Бергер рассматривает научно-технический прогресс. Проявлениями модернизации в СССР Бергер считает следующие трансформации: становление Советского Союза как индустриальной державы, устойчивый экономический рост страны; медленное, но неуклонное повышение материального уровня жизни населения страны; сходная динамика (в соответствии с

тезисом С. Кузнеця) распределения доходов на Западе и в СССР на сравнимых стадиях экономического развития; сходство темпов социальной мобильности на Западе и Востоке [Бергер].

Разрывы и преемственность в истории российских модернизаций

В среде историков-русистов широко распространено мнение о том, что по крайней мере три события-процесса в истории России существенно повлияли на конфигурацию причинно-следственных связей, обозначив перерывы предшествующих структур и начала новых: это преобразования Петра I, «Великие реформы» и «Великая российская революция».

Что касается петровских преобразований, то они означали выход на сознательное проектирование «модерного» общества по разным направлениям: управленческим, военным, экономическим, культурным. Переодев элиту, армию и чиновничество в европейское платье, Петр сделал общества до и после реформ и внешне несхожими. Тем не менее, очевидно, что наряду с разрывами имелись и линии преемственности между эпохами до и после Петра I. Так, по мнению М. А. Чешкова, для периода XV–XVIII вв. в истории России в целом характерны следующие продолжавшиеся черты: экономическая, политическая, культурная разнородность общества; разнообразие исторических форм (взаимодействие западных и восточных элементов); централизованно-иерархический способ соотнесенности компонентов; двойственный тип целостности (противостоящие начала – государственное и общинное; восточное и западное), неорганический характер этой целостности; смешанный – системно-конгломеративный – тип социальной организации (от системы – целостность, от конгломерата – неартикулированность элементов); коллективистский тип общественного сознания (и его ценности – соборность, общинность, традиционализм); доминирующий тип общественного сознания – религиозно-мифологический («православное язычество»); субъекто-объектное членение в виде противоположения власти народу («массе»); принудительно-распределительный тип общественного воспроизводства; внутренняя самодостаточность общественного воспроизводства и его же «референтность вовне» (по отношению к Западу); роль полупериферии в мировых экономических отношениях; разрешение внутренних противоречий по типу антиномии («раскол») [Чешков].

Современный американский историк-русист Д. Островски также обратил внимание на признаки непрерывности в истории России со второй половины XV до конца XVIII в., когда страна продолжала, по его

мнению, сохранять свой «традиционный» характер, претерпевая при этом ряд все ускоряющихся микроизменений:

1) постепенное начиная с XV в. неуклонное расширение контактов с внешним миром с их постепенной переориентацией с юга на запад Евразии, без драматического «перелома»;

2) непрерывное строительство империи с середины XVI в.; территориальные приобретения, по большей части сделанные в период до и после воцарения Петра I;

3) преемственная придворная политика, базировавшаяся на личных и семейных связях;

4) постепенный дрейф в сторону регулярной армии, важными вехами которого были создание в середине XVI в. иррегулярного пешего войска (стрельцов), начало «европеизации» армии при Михаиле Федоровиче, глубокая реорганизация по «европейским образцам» в середине XVII в. при Алексее Михайловиче (создание полков «нового строя»), наконец, завершение этого процесса при Петре I;

5) социально-экономическое развитие России XVI–XVIII вв., по мнению Д. Островски, также отмечено чертами преемственности: это аграрная страна экстенсивного типа хозяйственного развития с незначительным мануфактурным сектором, ориентированным преимущественно на выпуск продукции с невысоким уровнем технологической переработки;

6) государственность не отмечена принципиальными трансформациями: со времен Ивана III Московия/Россия – династическое государство;

7) взаимоотношения церкви с государством, по мнению Д. Островски, в данном случае, вероятно, надуманному, также не претерпели радикальных перемен на протяжении трех столетий и демонстрируют черты преемственности, имеющие аналогии в византийской практике;

8) постепенным было и проникновение европейского влияния в сферу культуры и просвещения, не испытавшей революционной трансформации «революции вестернизации» в петровское время [Ostrowski].

Второй разрыв в истории российских модернизаций обычно связывается с эпохой «великих реформ», наступление которой было ускорено поражением страны в Крымской войне. Наиболее важным событием реформ стала отмена крепостного права, необходимая для обеспечения условий для активизации индустриализации страны; за крестьянской реформой последовала цепь реформ: судебная, земская, городская, военная и др. Эти преобразования обеспечивали условия для трансформации хозяйства России из преимущественно рыночно-крепостного в рыночно-капиталистическое, складывались благоприятные условия для дальнейшего экономического роста и формирования общенационального рынка.

Однако и в данном случае можно привести аргументы в пользу сохранения определенной преемственности между эпохами до и после «великих реформ». Несомненно, институциональные перемены 1860–1870-х гг. имели большое политическое и социальное значение и способствовали постепенному переходу к капиталистической модернизации, однако их несомненное поворотное значение не следует переоценивать [Потрелл]. Во-первых, такие институциональные ограничения, как крепостное право и принудительный труд, преодолевались усилиями людей задолго до 1861 г. Во-вторых, несмотря на тормозящее воздействие крепостного права технические инновации, открывшие дорогу промышленной революции и раннеиндустриальной модернизации, также начали внедряться в промышленность до 1861 г. (так, например, на Урале в конце 1830 – в 1850-е гг. начали осваивать новые способы выделки железа – пудлингование, контуазский способ, появились и стали распространяться паровые машины и водяные турбины, началось применение т.н. эллиптических печей в доменном производстве). В-третьих, нередко активизацию культурно-просветительной деятельности в стране связывают с реформами 60–70-х гг. Это действительно так. Однако при этом необходимо помнить, что это оживление преемственно связано с предшествовавшей эпохой, когда на сцену общественной жизни вышел разночинец [Вульфсон]. В-четвертых, с одной стороны, рыночные отношения отвоевывали свои экономическую и социальную ниши еще до буржуазных реформ, а, с другой стороны, последние не привели к моментальному и повсеместному внедрению в экономику рыночных механизмов хозяйствования. Элементы внеэкономического принуждения длительное время сохранялись после отмены крепостного права. Условия освобождения крестьян на длительное время прикрепили их к земле, вынуждая трудиться на основе полуфеодалных «отработок» (формально крепостная зависимость сохранялась до 1861, а фактически до 1883, когда все бывшие помещичьи крестьяне были переведены на обязательный выкуп по закону 28 декабря 1881 г.). «Несвобода» во всех ее проявлениях выкорчевывалась медленно, в том числе и в общественной жизни, а инерция истории в определенной степени обеспечивала континуитет исторических процессов вне зависимости от «великих» преобразований. Тем не менее, в конце XIX – начале XX в. общество и экономика несомненно менялись.

Несмотря на тенденцию современной историографии подчеркивать преемственность истории России до и после событий 1917 г., несомненно, что страна после революции радикально изменилась. Революция прервала или кардинально видоизменила ряд тенденций: подверглась трансформации социальная структура, были уничтожены «привилегированные»

классы; демократическая тенденция приобрела специфические советские формы; значение рынка как регулятора экономической деятельности существенно снизилось, место рыночной занимала плановая экономика; произошло огосударствление общества, сформировались несравненно более жесткие механизмы государственного контроля и мобилизации.

Однако разрывная функция революции не лишает смысла рассуждение о сохранении преемственности после 1917 г. применительно к определенным сферам, тенденциям и характеристикам. Так, цивилизационный подход, фокусируя внимание исследователя на комплексе достаточно медленно меняющихся параметров, характеризующих социокультурное и цивилизационное ядро общественной системы, делая акцент на инерции истории, на континуитете исторического прошлого и настоящего, на выделении некоего ядра, инвариантного во времени или в очень слабой степени подверженного изменениям, позволяет выделить некоторые фундаментальные особенности разных сторон жизнедеятельности населения, которые сохраняют постоянство на протяжении всей истории российских модернизаций XVIII–XX вв.:

- 1) гигантские размеры территории, важное геостратегическое положение между Востоком и Западом;
- 2) географическая и климатическая специфика, тяготеющая к Северу;
- 3) трудные условия воспроизводства основ человеческого существования;
- 4) незащищенность естественными рубежами от посягательств извне;
- 5) стабильность и длительность существования;
- 6) самобытность, оригинальность культуры и традиций;
- 7) общность исторической судьбы, полиэтничность и многоконфессиональность народов, культурно-мировоззренческая толерантность;
- 8) православная вера как консолидирующая основа цивилизации;
- 9) политическая самостоятельность, державность, унитаризм;
- 10) своеобразие форм государственного, социального, городского устройства;
- 11) общинность, идеи социальной справедливости, нестяжательства, миссионеризм;
- 12) экономический, культурный и мировоззренческий экспансионизм;
- 13) мобилизационный тип развития [Алексеев 2010]. Цивилизационные «инварианты», несомненно, оказывали воздействие на ход исторического процесса, однако они не исключали развития. Ясно и то, что под их влиянием само развитие приобретало очень своеобразный национально-страновой облик.

Обсуждая вопрос о разрывах и преемственности в истории российских модернизаций, мы постоянно обнаруживаем условность и относитель-

ность границ между дискретными эпохами. Во-первых, есть структурные тенденции, которые могут длиться бесконечно долго, как бы «не замечая» разрывов. Во-вторых, нередко уходящие тенденции предшествующего этапа еще длительное время сохраняются на последующем этапе. С другой стороны, обычное явление – формирование черт нового, характерного для наступающей эпохи, в недрах прежней эпохи. Таким образом, в истории модернизации можно наблюдать пересечение множества измерений, разных видов темпоральности, в частности «медленной» цивилизационной, более быстрой – векторной, еще более быстрой – циклической.

Общие и особенные черты имперской и советской модернизаций

Конечно, однозначные ответы по вопросу преемственности в истории российских модернизаций имперского и советского периодов с точки зрения воздействия на них революции 1917 г. давать сложно. Тем не менее, представляется, что целый ряд модернизационных тенденций и субпроцессов продлился после 1917 (причем, некоторые из них интенсифицировались или приобрели трансформированный характер): индустриализация; урбанизация; демографический переход; профессионализация; бюрократизация; секуляризация; распространение грамотности, массовой культуры, развитие науки; сохранение значимой регулирующей роли государства во многих областях, в том числе в экономической.

При сравнении модернизаций имперского и советского периодов можно обнаружить ряд общих закономерностей, сходных механизмов. Во-первых, как имперская, так и советская модернизация испытывали воздействие механизма структурно-функциональной дифференциации (в свое время обоснованного Н. Смелзером в качестве одного из ключевых механизмов модернизации), то есть по сути прогресса как следствия нарастания специализации и разделения труда в социетальном масштабе (дифференциации функций и структур). В конечном итоге структурно-функциональная дифференциация находит выражение в модернизационных процессах индустриализации (автономизации производственной функции), урбанизации (отделение населения от места производства продуктов питания), бюрократизации (оформление управленческой функции), профессионализации (автономизация профессий, которая сопровождается аккумуляцией профессиональных знаний в рамках профессии, формированием особой профессиональной субкультуры, особых механизмов профессионального контроля), образовательной «революции» (образование специализированных формальных институтов передачи знаний

и компетенций), демократизации (институционализация механизма воздействия общества на формирование органов власти и принятие стратегических решений) и т. д., – которые, однако, могут развиваться относительно автономно, вступая друг с другом в разные конфигурации (в различных обществах и в разные временные интервалы).

Что касается имперского периода, то практически не возникает сомнений относительно воздействия механизма структурно-функциональной дифференциации на ход и характер модернизации. Для советской модернизации проблему создает отсутствие четкого разграничения между властью, идеологией, собственностью, государством/партийным аппаратом, сферами производства и повседневности. Тем не менее, как считает социолог и историк Й. Арнасон, невозможно игнорировать модернизационную динамику «коммунистической системы», продолжавшей или начинавшей модернизационные процессы, в том числе ускоренной индустриализации. Он доказывает, что механизм структурно-функциональной дифференциации, хотя и в очень преобразованном виде, действовал и в СССР: при этом механизмы социальной интеграции явно превалировали над механизмами дифференциации; экономическая, политическая и идеологическая власти концентрировались в руках аппарата управления, стремившегося контролировать все проявления общественной жизни; однако существовали и определенные формы социальной дифференциации, поскольку в советской системе в каждой из основных социальных сфер действовала особая логика [Арнасон: 21–24]. Таким образом, имеются серьезные аргументы для рассмотрения истории XX в. в России/СССР также в русле модернизационной парадигмы.

Во-вторых, очевидно, что индустриализация как механизм модернизации выступала ключевым, смыслообразующим фактором осуществления модернизационной стратегии – как цель, определяющая силовой потенциал страны в мировом соревновании и в имперский, и в советский периоды. При этом индустриализация в известном смысле задавала логику имперской модернизации: протоиндустриальная (мануфактурная) модернизация с петровских реформ, которая затем сменяется раннеиндустриальной (некоторые исследователи относят ее начало к эпохе промышленного переворота, старт которого традиционно датируют 1830-ми гг. [Миронов 2017: 16–17]; другие связывают с утверждением в экономике России модели современного экономического роста примерно с середины 1880-х гг. [Грегори]). Успех советской модернизации также в значительной степени зависел от прогресса в индустриально-технологической области (здесь следует отметить сталинскую индустриализацию, с середины XX столетия – научно-техническую революцию).

В-третьих, и имперская, и советская модернизации испытывали воздействие внешнего контекста и зависели от диффузии западных технологий, социальных институтов, культурных ценностей, их усвоения и адаптации, влияния данных процессов на общий ход модернизации и ее результативность [Алексеева; Нефедов; Imperium]. Германский историк Ш. Мерль довольно убедительно демонстрирует включенность России и в имперский, и в советский периоды в «трансатлантический» проект модернизации, в основе которого лежали идеи и ценности Просвещения: вера в прогресс, представление о том, что на основе разумной организации общества можно создать более совершенный мир; актуальность веры в прогресс для политического устройства государства, нацеленность политических концептов на преобразование социально-экономических структур; представление о том, что прогресс достижим и научно планируем и существует безграничная возможность изменять мир, опираясь на субъективную волю человека [Мерль].

В-четвертых, и имперская, и советская модернизации в определенной степени содержали элементы фронтирности. Концепция фронтирной модернизации впервые была сформулирована автором данного текста в 2010 г. на основе изучения уральского материала XVIII–XIX вв. [Побережников 2010]. Автор пришел к выводу, что включение еще недостаточно освоенных территорий в модернизационные процессы способствовало усилению их гетерогенности в социальном, экономическом, культурном отношениях, переплетению традиции и новации в производственной, социально-институциональной, управленческой сферах, формированию анклавно-конгломератной пространственной структуры. Впоследствии рамки применения концепции фронтирной модернизации были расширены для анализа развития в восточных (в первую очередь, Сибирь) и вообще в периферийных регионах России имперского периода [Побережников 2015]. Была обоснована применимость концепции и для характеристики страновой модели российской модернизации; фронтирная модернизация была представлена как российский цивилизационный феномен [Побережников 2013]. При этом перспективой фронтирной модернизации считалась постепенная конвергенция центра и периферии по различным параметрам, расширение институционально-политических, хозяйственных, социокультурных контактов населения фронтирных зон с центром.

Новосибирский историк А. И. Тимошенко заметно расширила рамки применения концепции фронтирной модернизации, сделав ее методологической основой изучения индустриального строительства в Сибири в позднесоветский период [Тимошенко 2012; Тимошенко 2018]. Автор

справедливо считает, что Сибирь и во второй половине XX в. представляла собой еще не до конца освоенную территорию, заселенность которой убывала по мере продвижения на северо-восток; транспортная и социальная инфраструктура здесь все еще находилась в неразвитом состоянии, сохранялись, таким образом, признаки фронтирности территории; сохранялась милитарная направленность развития региона, который оценивался как тыловой район страны, располагавший крупнейшими предприятиями военно-промышленного комплекса СССР. А. И. Тимошенко наглядно доказывает, что во второй половине XX в. в регионе сохранялись территории первичного освоения, где происходило активное индустриальное строительство, создавались новые предприятия и населенные пункты, которые обживались мигрантами из различных регионов СССР. Такие особенности районов нового промышленного освоения, как неразвитость транспортной, социокультурной и бытовой инфраструктуры, высокая миграционная динамика и неустойчивость населения, связанные со спецификой освоения перекосы в его демографической и социальной структуре, сближали их с окраинными регионами Российской империи, освоение которых было далеко до завершения. При этом, по мнению автора, в Сибири во второй половине XX в. проявился своеобразный вариант фронтирной модернизации, который в короткие исторические сроки помог осуществить переход от традиционного общества к современному на ранее слабо обжитых человеком территориях; модель фронтирной модернизации позволила эффективно вовлечь районы Сибири, богатые природными ресурсами, в общее русло индустриального развития СССР.

При этом, конечно, невозможно обойти проблему отличий, особенностей имперской и советской модернизаций. С одной стороны, очевидно принципиальное своеобразие социалистического развития, его серьезное отличие от западных моделей модернизации: авторитарное государство (некоторые исследователи по-прежнему применяют для его характеристики тоталитарную модель); нерыночная плановая экономика; широкое использование мобилизационных методов; отсутствие демократии западного типа.

С другой стороны, хорошо известно, насколько радикально изменилась страна после революции 1917 г. Революция прервала или кардинально видоизменила ряд тенденций: подверглась трансформации социальная структура, были уничтожены «привилегированные» классы; демократическая тенденция приобрела специфические советские формы; значение рынка как регулятора экономической деятельности существенно снизилось, место рыночной занимала плановая экономика; произошло огосударствление общества, сформировались несравненно более жесткие механизмы государственного контроля и мобилизации.

Наиболее жестко противопоставляет имперскую и советскую модернизации известный исследователь модернизационных преобразований А. С. Сенявский:

1) имперская (либерально-консервативная) характеризуется им как вестернизаторская, элитарная (оторванная от социокультурной почвы), реактивная (реагировала с большим опозданием, под давлением внешних угроз на перезревшие проблемы);

2) советская (идеологическая, партократическая, этатистская, патерналистская, мобилизационная), по мнению историка, опиралась на большинство населения, использовала долговременную стратегию, вплоть до 1970-х гг. была опережающей, владела исторической инициативой [Сенявский].

По мнению автора фундаментальных исследований по истории российских модернизаций Б. Н. Миронова, имперскую и советскую модернизации не следует противопоставлять кардинально, поскольку, по его мнению, с одной стороны, имперская модернизация также была идеологической, патерналистской, этатистской, даже по-своему партократичной (поскольку, отмечает Б. Н. Миронов, партократия означает «политический строй, при котором верховная политическая государственная власть (законодательная, исполнительная и судебная) фактически сосредоточена в руках единственной партии, встроенной в государственную систему, а вернее – в руках партийной бюрократии»), а с другой стороны, советская модель модернизации по сути была вестернизаторской (актуальный лозунг «Догнать и перегнать Запад»), элитарной (имеется в виду оторванность власти от социокультурной почвы) [Миронов 2017: 20–21]. Наш анализ подтверждает определенную сущностную общность модернизаций имперского и советского периодов; тем не менее, вряд ли есть основания отрицать наличие принципиальных отличий между ними: различные социальные основы (революция и последующие преобразования просто переформатировали социальный ландшафт); разное соотношение между рыночными и мобилизационными механизмами (доминирование вторых в советской модели модернизации); разная степень контроля общества со стороны государства (в советской модели этот контроль становится всемерным, насколько только могли позволить имевшиеся ресурсы и инструменты); разные конфигурации акторов модернизации (значимая роль частного капитала и его представителей в имперский период, по сути отсутствие в советский – за исключением коротких периодов времени).

Список литературы

- Алексеев В. В.* Российская цивилизация (признаки, этапы развития, итоги и уроки) // Уральский исторический вестник. 2010. № 3 (28). С. 6–10.
- Алексеева Е. В.* Диффузия европейских инноваций в России (XVIII – начало XX в.) / Рос. акад. наук, Уральское отд-ние, Ин-т истории и археологии. М. : РОССПЭН, 2007. 366 с.
- Артасон Й.* Коммунизм и модерн // Социологический журнал. 2011. № 1. С. 10–35.
- Бергер П.* Капиталистическая революция : 50 тезисов о процветании, равенстве и свободе : пер. с англ. М. : Прогресс : Универс, (1994). 314 с.
- Бородкин Л. И.* Концепции модернизации и модерности в контексте российских трансформаций XIX–XX вв. // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 6–15.
- Бородкин Л. И.* Общее и особенное в процессах модернизации России в XIX–XX веках: методологические аспекты // Цивилизации. М. : Наука, 2015. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века. С. 201–214.
- Вульфсон Г. Н.* Разночинно-демократическое движение в Поволжье и на Урале в годы первой революционной ситуации. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 1974. 352 с.
- Готтрелл П.* Значение Великих реформ в истории экономики России // Великие реформы в России. 1856–1874. М., 1992. С. 106–126.
- Грегори П.* Экономический рост Российской империи (конец XIX – начало XX в.) : новые подсчеты и оценки / пер. с англ. И. Кузнецова и др. М. : РОССПЭН, 2003. 255 с.
- Каменский А. Б.* От Петра I до Павла I : реформы в России XVIII века : опыт целостного анализа / Рос. гос. гуманитар. ун-т. М. : РГГУ, 2001. 575 с.
- Каменский А. Б.* Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. М. : Новое лит. обозрение, 1999. 326 с.
- Медушевский А. Н.* Утверждение абсолютизма в России : сравнит. ист. исслед. М. : Текст, 1994. 317 с.
- Мерль Ш.* Существует ли «трансатлантическая модернизация»? Размышления о роли России в концепте «модернизация» // Диалог со временем. 2016. № 57. С. 5–23.
- Миллер А.* Где и какую модернизацию стоит искать в истории России? // Российская история. 2018. № 3. С. 19–25.
- Мироненко С. В.* Россия на пути модернизации // Российская история. 2018. № 3. С. 3–44.
- Миронов Б. Н.* Модернизация имперская и советская // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2018. Т. 63, Вып. 1. С. 54–82.
- Миронов Б. Н.* Спорные вопросы имперской, советской и постсоветской модернизаций // Уральский исторический вестник. 2017. № 4. С. 16–24.
- Модернизация: зарубежный опыт и Россия / В. А. Красильщиков, В. П. Гутник, В. И. Кузнецов [и др.] ; Рос. независимый ин-т социал. и нац. пробл. М. : Агентство «Инфомарт», 1994. 115 с.
- Нефедов С. А.* Великая реформа как проявление вестернизационных процессов в России // Человек в условиях модернизации XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2015. С. 199–204.
- Опыт российских модернизаций, XVIII–XX вв. / [В. В. Алексеев, И. В. Побережников, А. С. Сенявский и др.] ; отв. ред. В. В. Алексеев; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. М. : Наука, 2000. 244 с.

Побережников И. В. Линейность VS многовекторность: реконцептуализация модернизаций // Цивилизация. Модернизация. Идентичность : материалы международного научного симпозиума (Москва, 27–28 ноября 2012 г.). М., 2012. С. 42–52.

Побережников И. В. Модернизации в истории России: направления и проблемы изучения // Уральский исторический вестник. 2017. № 4 (57). С. 36–45.

Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу : теоретико-методологические проблемы модернизации : монография / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. М. : РОССПЭН, 2006. 237 с.

Побережников И. В. Периферийная модернизация в Российской империи: региональные варианты // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А. О. Чубарьян ; сост. О. В. Воробьева. М. : Наука, 2015. С. 179–200.

Побережников И. В. Проблемы российских модернизаций имперского периода в новейшей историографии // Уральский исторический вестник. 2020. № 1 (66). С. 140–148.

Побережников И. В. Урал в XVIII–XIX вв. (пример фронтирной модернизации) // Восьмые Татищевские чтения: докл. и сообщ. Екатеринбург, 2010. С. 308–310.

Побережников И. В. Фронтирная модернизация как российский цивилизационный феномен // Россия реформирующаяся. М., 2013. Вып. 12: ежегод. С. 246–274.

Проблемы модернизации России в XIX–XX вв. : теоретико-методологические подходы, исследовательский опыт // Бюллетень Научного совета Российской академии наук по проблемам российской и мировой экономической истории. Саранск: ООО «ИнСтИтут», 2007. № 5. С. 3–23.

Проскуракова Н. А. Концепции цивилизации и модернизации в отечественной историографии // Вопросы истории. 2005. № 7. С. 153–165.

Региональное развитие в контексте модернизации / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, М. Н. Денисевич, И. В. Побережников ; Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии, Урал. гуманитар. ин-т. Екатеринбург ; Лувен : Ин-т истории и археологии : Урал. гуманитар. ин-т, 1997. 326 с.

Российская модернизация: проблемы и перспективы (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1993. № 7. С. 3–39.

Сенявский А. С. Модернизационные концепции и их потенциал в изучении российской истории // История России: теоретические проблемы. М., 2013. Вып. 2. С. 7–63.

Тимошенко А. И. Индустриальное освоение Сибири во второй половине XX в. : фронтирное измерение // // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 104–111.

Тимошенко А. И. Индустриальное строительство в Сибири во второй половине XX столетия как вариант фронтирной модернизации // Модернизация в условиях освоения восточных регионов России в XVIII–XX вв. Екатеринбург, 2012. С. 141–148.

Хорос В. Г. Модернизация в цивилизационном анализе // Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А. О. Чубарьян ; сост. О. В. Воробьева. М., 2015. С. 7–15.

Цивилизации. Вып. 10: Модернизация и цивилизационные вызовы XXI века / отв. ред. А. О. Чубарьян ; сост. О. В. Воробьева. М., 2015.

Чешков М. А. Дореволюционная Россия и Советский Союз: анализ преемственности и разрыва // Общественные науки и современность. 1997. № 1. С. 92–104.

Шелохаев В. В. Модернизация как теоретико-методологическая проблема // Куда идет Россия?... : кризис институциональных систем: век, десятилетие, год 1999 : международный симпозиум 15–16 янв. 1999 г. / под общ. ред. Т. И. Заславской. М. : Логос, 1999. С. 28–38.

Эйзенштадт Ш., Шлюхтер В. Пути к различным вариантам ранней современности: сравнительный обзор // Прогнозис. 2007. № 2 (10). С. 212–226.

Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917) : сборник / ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М. : Новое литературное обозрение, 2010. 389 с. (Historia Rossica).

Ostrowski D. The end of Muscovy: A case circa 1800 // Slavic review. Champaign, 2010. Vol. 69, № 2. P. 427–438.